

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.15922

EDN: RUETJV

Мифопоэтический образ «птичьего царя» в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина

В. А. Коршунков

Вятский государственный университет

(г. Киров, Российская Федерация)

e-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование источников и семантики загадочного образа птицы Строфилус в черновом наброске «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, где старуха в одной из сцен, не вошедших в итоговый текст, желает стать римским папой. В центре изучения — полемика с гипотезой известного пушкиниста и германиста М. Ф. Мурьянова, который, опираясь на данные средневековой латинской лексикографии, отождествил птицу Строфилус с маленькой птичкой крапивником (корольком) (лат. *trochilus*), считавшимся в западноевропейском фольклоре пародийным «птичьим царем». Автором предложена иная трактовка. Для этого привлекается широкий круг источников — от русской народной лексики и духовных стихов («Стих о Голубиной книге», «Стих о Егории Храбром») до трудов православных книжников, включая Максима Грека. В статье доказывается, что Строфилус представляет собой одну из многочисленных графических и фонетических вариаций названия страуса. Это название восходит к греко-латинскому *struthio* (ср. еще: струфокамил, стратим, страфил и мн. др.). В контексте книжной и фольклорной традиции страус (Страфил) осмыслился как могущественная «матерь птиц» или настоящий «птичий царь». Такая трактовка делает его появление символически оправданным при описании нелепой папской тиары, венчающей честолюбивую старуху-папессу. Все это может пониматься и как сатира на католицизм. Исследование позволяет не только уточнить конкретный источник пушкинского образа, но и продемонстрировать впечатляющую глубину интеграции поэтом разнородных фольклорных и книжных мотивов в единую авторскую художественную систему.

Ключевые слова: пушкинистика, М. Ф. Мурьянов, Давид Самойлов, «Стих о Голубиной книге», «царь птиц», страус, птицы в мифологии и фольклоре, литература и фольклор, фольклор и мифология, историческая поэтика, литературное источниковедение, интертекстуальность

Для цитирования: Коршунков В. А. Мифопоэтический образ «птичьего царя» в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 1. С. 49–73. DOI: 10.15393/j9.art.2026.15922. EDN: RUETJV

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.15922

EDN: RUETJV

The Mythopoeic Image of the “King of Birds” in Alexander Pushkin’s “The Tale of the Fisherman and the Fish”

Vladimir A. Korshunkov

*Vyatka State University
(Kirov, Russian Federation)*

e-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. This article offers a comprehensive study of the sources and semantics of the enigmatic bird “Strophilus” featured in a draft of Alexander Pushkin’s “The Tale of the Fisherman and the Fish.” In a scene omitted from the final version, the old woman expresses a desire to become the Pope. The study engages in a polemic with the hypothesis put forward by the renowned Pushkin scholar and Germanist Mikhail Muryanov. Relying on Medieval Latin lexicography, Muryanov identified the bird “Strophilus” with the “trochilus” (the wren), a bird considered a parodic “king of birds” in Western European folklore. The author of this article proposes an alternative interpretation. To substantiate it, a broad range of sources is examined — from Russian folk vocabulary and spiritual verses (“The Verse about the Book of the Dove,” “The Verse about St. George the Brave”) to the works of Orthodox scholars, including Maximus the Greek. The article argues that “Strophilus” represents one of the numerous graphic and phonetic variations of the name for the ostrich, which derives from the Greco-Latin “struthio” (cf. strufokamil, stratim, strafil, etc.). Within the context of literary and folklore traditions, the ostrich (“Strafil”) was conceived as the mighty “mother of birds” or the true “king of birds.” This symbolic status makes its appearance in the description of the absurd papal tiara crowning the ambitious old woman as a female pope symbolically justified. The scene can thus also be interpreted as a satire on Catholicism. The research not only clarifies the specific source of Pushkin’s image but also demonstrates the impressive depth with which the poet integrated heterogeneous folkloric and literary motifs into a unified artistic system.

Keywords: Pushkin studies, M. F. Muryanov, David Samoilov, “The Verse about the Book of the Dove”, “king of birds”, ostrich, birds in mythology and folklore, literature and folklore, folklore and mythology, historical poetics, literary source studies, intertextuality

For citation: Korshunkov V. A. The Mythopoeic Image of the “King of Birds” in Alexander Pushkin’s “The Tale of the Fisherman and the Fish”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 1, pp. 49–73. DOI: 10.15393/j9.art.2026.15922. EDN: RUETJV (In Russ.)

«Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкин написал осенью 1833 г. в Болдине. Первоначально он включил в нее эпизод с превращением корыстной и честолюбивой старухи, который не вошел в окончательный вариант текста. А именно: перед тем как возжелать стать владычицей морскою, она захотела примериться к папскому престолу. Возвращаясь в очередной раз с морского берега, старик видит твердыню католической веры:

«[Перед ним монастыры] латынский —
На стенах монахи
Поют латынскую обедню
Перед ним вавилонская башня
На самой на верхней на макушке
Сидит его старая старуха
На старухе *сорочинская шапка*
На шапке венец латынский
На венце тонкая <?> спица
На спице Строфилус <?> птица» [Пушкин, 1995: 1087–1088].

В конце XIX в. В. В. Майков предполагал, будто Пушкину, приехавшему в Оренбургскую губернию, сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке» сообщил знаток и собиратель фольклора В. И. Даляр [Майков В.], притом что явные указания на это не известны. Майков обратил внимание на несколько русских народных сказок, в чем-то похожих на пушкинскую, и решил, что не одна только Арина Родионовна делилась с поэтом затейливыми фольклорными историями. Хотя один из специалистов-современников работу Майкова назвал «превосходной» [Сумцов: 118], но сейчас понятно, что это не так. Дядя В. В. Майкова Л. Н. Майков, не указывая прямо на статью племянника, допускал, что Пушкин и в самом деле мог получить от Даля «материал для своей сказки», однако уже задолго до того «стал перекладывать в стихи народные сказки, слышанные им от своей няни» и заинтересовался славянским фольклором [Майков Л.: 425–426]. Некий русский священник из Стокгольма, откликнувшись на статью В. В. Майкова, уверял, что у немцев и шведов существует много народных сказок,

очень похожих на пушкинскую, но при этом делал парадоксальный вывод: Пушкин мог-таки использовать аналогичную *русскую сказку*¹.

Позднее фольклорист М. К. Азадовский, отметив, что сходные по сюжету русские народные сказки значительно отличаются от сказки пушкинской, утверждал, вслед за некоторыми своими предшественниками: «...сказка Пушкина выпадает из русской традиции, но всецело примыкает <...> к традиции западноевропейской. Ближе всего она к сказке сборника бр[атьев] Гримм» [Азадовский: 138]. К нашему времени окончательно установлено, что источником этого сюжета стала опубликованная братьями Гримм померанская сказка «Рыбак и его жена»² (похожий вариант из того же сборника — гессенский)³. Не зная немецкого языка (тем более его диалектов), но увлекаясь сказочным фольклором, Пушкин читал эту сказку братьев Гримм в имевшемся у него французском издании⁴, а среди его рисунков лета 1833 г., когда он писал свою сказку, есть набросок двух мужских изображений, в которых Т. Г. Цявловская опознала Якоба и Вильгельма Гриммов [Цявловская: 339].

Уже в нашем веке было высказано мнение, что источником для Пушкина могла быть 21-я идиллия Феокрита «Рыбаки» (с оговоркой, что это «не отменяет обращения к иным источникам...») [Шульц: 129]. Действительно, прямых доказательств нет, да и сюжет сказки Пушкина совсем не схож с феокритовым (а на немецкую народную сказку пушкинская очень похожа). Не Пушкин, а Н. И. Гнедич переводил Феокрита и под впечатлением от его творчества создал свою русскую идиллию «Рыбаки» (1821). Единственное, что роднит текст Пушкина с Феокритом — у античного поэта рыбак во сне вытянул рыбу

¹ Р-в П. Об источниках сказки «О рыбаке и рыбке» // Живая старина. 1893. Вып. 1. С. 91–95.

² Точный перевод с померанского диалекта немецкого языка на русский, сделанный Г. Ю. Ирмером, приведен в книге: [Сумцов: 289–296].

³ История поиска источников «Сказки о рыбаке и рыбке» представлена в работе: [Медриш, 1992: 95–100], см. также: [Медриш, 1980: 99–112]. Ср. обзор изучения пушкинских сказок: [Пушкин. Итоги и проблемы изучения: 437–444].

⁴ В его библиотеке находилась выпущенная в Париже книга, в которую был включен перевод померанской сказки: “Vieux contes. Pour l'amusement des grands et des petits enfants” («Старинные сказки. Для развлечения взрослых и детей») [Модзальевский: 358]; [Mazon: 261].

из золота (в немецкой сказке волшебница-камбала вовсе не золотая). Возможно, счастливая идея назвать сказочную рыбку золотой и на самом деле восходит к феокритовой идиллии⁵.

Литературоведы изучали самые разные особенности «Сказки о рыбаке и рыбке», делая интересные, подчас неожиданные открытия. В. С. Непомнящий обнаружил в ней глубокий философский смысл: «Это — сказка об угнетении *равного равным*...»; «Сказочный сюжет превращается в философский, сказка о наказании за алчность — в притчу о преходящем и вечном» [Непомнящий: 162, 164]⁶. Г. П. Макогоненко, вслед за И. П. Лупановой, указал на социальную структуру нарисованной Пушкиным картины: угнетенные крепостные крестьяне, а над ними властвует бездушная, жестокая знать и монахи-самодуры. «Желания старухи точно социально обусловлены...»; метаморфозы старухи наглядно раскрывают ее социальную психологию: «С переменой социального положения шло и извращение человеческой натуры старухи, наглядно раскрывалась растлевающая сила собственности и власти». То есть «Пушкин показал социальную неотвратимость вырождения господствующего сословия...» [Макогоненко: 24–26]⁷. В. А. Кошелев раскрыл затаенный трагизм личной жизни поэта: «С "биографической" точки зрения "Сказка о рыбаке и рыбке" — метафизическая притча Пушкина о собственной "женатой" жизни»; «Предметом пушкинской сказки становится как раз семейная

⁵ Д. Н. Медриш высказывал об этом такое мнение: «...Золотая рыбка Пушкиным не выдумана. Она заимствована (или угадана) из славянского фольклора. В народной поэзии южных славян золотая рыбка выступает как символ свободы, счастья, справедливости» [Медриш, 1992: 84]. При этом сам Медриш указал на значимый факт: «Впрочем, образ золотой рыбки присутствовал в сознании поэта задолго до написания "Сказки о рыбаке и рыбке"; он зафиксирован в первом варианте монолога князя в драме "Русалка" (1826 год)», а именно: «О скоро ли она со дна речного / Подымется, как рыбка золотая?» [Медриш, 1992: 139, прим. 2]. В фольклорных сказках и легендах (тех, которые схожи с пушкинской сказкой) у самых разных народов дарительницей нередко становилась золотая рыба; см., например, в такой подборке: [Березкин, Дувакин [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/l151.html> (12.10.2025)]. Некоторые из них могли сформироваться под воздействием пушкинского творчества, но далеко не все.

⁶ Эти наблюдения были впервые сформулированы автором в статье 1972 г.

⁷ См. также: [Лупанова: 167]

дисгармония»; «Собственно, "Сказка о рыбаке и рыбке" — это представление Пушкина о *жене* как "обстоятельстве" его бытия» [Кошелев: 10, 11, 13]. Неужели красавица Наталья Николаевна, хотя и не выглядела старухой, тоже раз за разом демонстрировала мужу все большие свои амбиции: новенького корыта и добротной избы ей уже было мало, она мечтала стать царицей и владычицей морскою?..

В последние годы выходит множество статей об этой пушкинской сказке. Ее читают в детских садах и школах, предлагают иностранным студентам — значит, педагоги и филологи пишут о восприятии сказки детьми, о понимании иностранцами ее лексики и фразеологии, о переводах на иностранные языки. Вслед за известными учеными-пушкинистами авторы рассуждают о художественных образах, мифофилософском подтексте и уроках сказки. Вопрос об источниках сюжета представляется решенным.

В немецкой сказке жена рыбака, улучшив с помощью необычной камбалы свое материальное положение (обретя хороший дом, а потом замок), последовательно становилась королем, императором, римским папой. И только возжелав сдаться Богом, она вернулась в свое первоначальное состояние. Комментаторы отмечали, что мотив стремления крестьянки быть римским папой имеется и в исходной немецкой сказке, и в пушкинском черновике (см., например: [Пушкин, 1936: 560–562]. Б. В. Томашевский судил так: «Свободно переделывая сказку, Пушкин заменил западноевропейский колорит народным русским. Вероятно, поэтому он исключил из окончательной редакции эпизод о старухе, ставшей "римской папой". Эпизод этот находится в немецкой сказке, но он слишком противоречит русскому колориту...» [Томашевский: 435]⁸.

Не так давно С. А. Фомичев вновь привлек внимание к тому, что Пушкин и Даль интересовались народными сказками, но он неставил задачей опровергнуть гипотезу о тексте

⁸ Ср.: «Поэта привлекали не варианты содержания сюжета немецкой сказки, а возможности его национально-русского воплощения» [Зуева: 111]; Пушкин «решил убрать эпизод из текста, так как он нарушал предполагаемый русско-крестьянский характер его сказки» [Микелис: 33]. А. Мазон предположил, что образ бабки-папы имел отношение к преданию о папессе Иоанне, которое весьма интересовало Пушкина [Mazon].

из сборника братьев Гримм как основном источнике «Сказки о рыбаке и рыбке» [Фомичев]⁹.

Известный филолог-германист и пушкинист М. Ф. Мурьянов, исследовавший эпизод с римским папой в пушкинской сказке, рассуждал: «Картина оригинальна, не имеет ничего общего с описанием этого эпизода в сказке братьев Гримм и тем более с церемониалом Ватикана: она выглядит как непонятный гротеск в сравнении с меткими штрихами реалистических портретов старухи в роли столбовой дворянки и царицы». По его мнению, «наиболее обещающим для текстологического разбора должно быть ключевое слово Строфилус, в русской лексикографии отсутствующее» [Мурьянов, 1971: 104]. Незадолго до того Ф. Я. Прийма заметил: «Появление Стрефилус-птицы (так! — В. К.) в этой "немецкой" по происхождению сказке не привлекало еще, насколько известно, внимания исследователей. А между тем оно заслуживает специального рассмотрения» [Прийма: 116].

Если издатели пушкинских сочинений после слова «Строфилус» ставят знак вопроса, то вот почему. С. М. Бонди изучал черновые рукописи Пушкина и в своей первой книге 1931 г. обратился к сюжету о превращении старухи в римского папу. Он определил, что «было написано "Стофилус", зачеркнуто, внизу начато "строф" и тоже зачеркнуто» [Бонди: 55, прим.]. Пожалуй, можно считать доказанным, что Пушкин имел в виду птицу Строфилус. Но все же не Стрефилус, такой формы нет (см. НКРЯ), хотя количество вариантов имени сказочной птицы в разных текстах весьма велико.

Вообще-то в аналитическом каталоге фольклорно-мифологических мотивов Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина мотив K151 с условным названием «Золотая рыбка» обнаруживается в десятках фиксаций: «Волшебный помощник удовлетворяет простое желание бедняка. Бедняк или его жена просят все

⁹ Для Фомичева важно, что чудесная Острафил-птица «упоминалась и в былине "Егорий Храбрый", позже переданной Далем Афанасьеву» [Фомичев: 93], см.: Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. М.: В тип. В. Грачева и Комп., 1859. С. 32–39. Пушкин также сообщил Далю «Сказку о Георгии Храбром и волке» [Фомичев: 93–97]. Между тем, уже давно было отмечено, что птица Страфиль в популярный духовный стих «О Егории Храбром» привнесена из «Стихи о Голубиной книге» [Кирпичников: 99]. Кроме того, духовный стих вполне мог быть переработан и в сказку о Егории, и в былину.

больше. В конце концов помощник наказывает просящего (обычно отбирая все, что было дано)». Все они отмечены в Евразии (притом что Африка, Австралия и Новый Свет в этом каталоге представлены с достаточной полнотой). Не везде волшебный помощник — рыба, но почти все такие вариации именно в Европе. Версии с папой или папессой, помимо тех, что в сборнике братьев Гримм, имеются у немцев Эльзаса, французов Пикардии, у хорватов, греков и поляков¹⁰. Использование такого нового, совершенного инструмента, как каталог фольклорно-мифологических мотивов народов мира, позволяет значительно увеличить поиск аналогий, выявлять этническое и географическое распределение, ставить уточняющие исследовательские вопросы.

Как будет показано, Мурьянов прав: «Строфилус» — это ключевое имя для понимания пушкинского черновика. Казалось бы, справедливо и другое его рассуждение: это слово в русской лексикографии неизвестно. Даже с помощью появившегося с тех пор ценного свода «Национальный корпус русского языка» это слово не найти. Зато его разновидность (без латинского окончания) обнаружилась в «Словаре русских народных говоров». Это краткое изложение легенды, записанное в Вятской губернии в 1892 г.: «**Строфил, м.** Мифи-ческое существо — птица, живущая в море, которая может поднять волны и уничтожить всех людей нехристианской веры. "Строфил — баснословная птица, которая, по поверью, живет в море, детей водит под камнем, и, если встрепенется, колыхнется море и зальет неверный мир"»¹¹. То, что эта легенда (явно книжного происхождения) замечена на Вятке, не означает, будто иноземное имя баснословной птицы — это вятский диалектизм, который непременно нужно было поместить в таком словаре. Но все же хорошо, что он там есть.

¹⁰ [Березкин, Дувакин [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/k151.html> (12.10.2025)]. Распространение этого мотива на карте мира см.: Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. К151 // Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [Электронный ресурс] URL: <https://mapsofmyths.com/node/103763> (12.10.2025). Сердечно благодарю кандидата филологических наук Е. Н. Дувакина, который помог мне с поиском фольклорно-мифологических сюжетов и мотивов.

¹¹ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2008. Вып. 42. С. 30–31.

Вятская легенда — один из множества пересказов стариинного, восходящего к апокрифам стихотворного произведения. Прежде оно исполнялось нараспев как духовный стих. Его принято называть «Стихом о Голубиной книге» или просто «Голубиной книгой». Фольклорные варианты «Голубиной книги» были напечатаны в 1861 г. П. А. Бессоновым¹². В этом духовном стихе, с его космологическим содержанием, текст выстроен в форме вопросов и ответов о мироустройстве. Там повествуется, кто над царями царь, что за город всем городам отец, кого или что нужно числить главным из зверей, рыб, камней, трав, морей и т. п. Среди прочего упомянута «матерь птиц», которая в одних вариантах названа Нагай-птицей, но чаще именуется птицею Страфиль (иначе Естрафиль и т. п.)¹³.

В XIX в. видные российские филологи исследовали «Стих о Голубиной книге», обращая внимание на обрисованную в нем баснословную птицу — «грандиозный образ», как выразился А. Н. Веселовский. Он предположил, что на необузданную народную фантазию о птице Страфиль повлияли апокрифические тексты о небывалых птицах [Веселовский: 215–216]. В. Н. Мочульский, комментируя «Стих о Голубиной книге», заключил, что свойства, приписываемые птице Страфиль, относятся к нескольким чудесным птицам с различными именами [Мочульский: 142–143]. А. И. Кирпичников изучил особенности образа птицы Страфиль в «Стихе о Голубиной книге». Он сделал вывод о некоторых «более или менее реальных родителях сказочного Страфия», а именно: «...От пеликана унаследовал он нежность к птенцам; от страуса имя,

¹² Калеки переходные: сборник стихов и исследование П. Бессонова. М.: В тип. А. Семена, 1861. С. 269–378. Ранний вариант «Голубиной книги» был помещен в сборник Кирши Данилова (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е доп. изд. М.: Наука, 1977. С. 208–213, 344–346). Текст из сборника Кирши Данилова издан и прокомментирован в учебном пособии Ф. М. Селиванова [Селиванов: 20–23, 63–68]. Две версии «Голубиной книги» — начинаяющаяся словами «Восходила туча сильна, грозная» и другая, взятая из сборника Кирши Данилова («Да с начала века животленного»), — опубликованы в издании: (Голубина книга: русские народные духовные стихи XI–XIX веков / сост., вступ. ст., примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М.: Москов. рабочий, 1991. С. 34–48).

¹³ Многочисленные варианты имени этой птицы в «Стихе о Голубиной книге» и «Стихе о Егории Храбром» см.: [Хлыбова: 44–47].

величину и остроту его зрения; от алкиона влияние на море...». Таковы, согласно Кирпичникову, только самые очевидные птицы-предшественники, а есть еще и другие [Кирпичников: 105].

Мурьянов высоко оценил наблюдение Приймы, указавшего на имя птицы в черновике Пушкина. Он счел доказанным, что Пушкину «Голубиная книга» была знакома: «Это новый конкретный факт в системе связей творчества Пушкина с фольклором. Он мог знать о ней от П. В. Киреевского, но, по нашему мнению, не исключается и вероятность непосредственного слушания поэтом "калик перехожих"» [Мурьянов, 1971: 104–105]¹⁴. Сам Мурьянов, однако, отмечал, что при написании своей сказки «Пушкин находился в деревенской глупи, Стих о Голубиной книге еще не был издан, углубляясь в филологические разыскания у поэта как будто не было никакой возможности» [Мурьянов, 1971: 105]. И главное: Мурьянов не придал значения многочисленным разновидностям имени волшебной птицы из «Голубиной книги». Его интересовала только та, что встретилась у Пушкина — Строфилус. А это слово, полагал Мурьянов, не засвидетельствовано в русской лексикографии. Он утверждал: «...Но существует упрямый факт — название Строфилус в этой фонетической форме мы обнаружили не в записях русских фольклористов, а только в материалах средневековой латинской лексикографии...». Слово *strofilus*, настаивал Мурьянов, известно по рукописи английского происхождения, датированной 1200 г. По его суждению, это разновидность более правильного написания *trochilus*, которое происходит от древнегреческого *τροχίλος*. Так называли небольшую птичку, в том числе, очевидно, крапивника либо королька. В западноевропейском фольклоре это кто-то вроде «птичьего царя». Правда, крапивник — птичка крохотная, зато с необычайно звучным голосом. По старинной легенде, между

¹⁴ Ср. суждение В. С. Непомнящего о Пушкине: «Духовные стихи он знал хорошо — и от Киреевского, и от "калик перехожих", знал в том числе и «Стих о Голубиной книге» [Непомнящий: 206]. Сборник Кирши Данилова, в котором есть «Голубиная книга», находился в библиотеке Пушкина, и поэт постоянно обращался к этому сборнику [Зуева: 6]. Мурьянов интересовался «Голубиной книгой» и занимался ее изучением, см.: [Мурьянов, 1975] (см. также публикацию одноименной рукописи из его личного архива: [Мурьянов, 2008, ч. 2: 548–551]), [Мурьянов, 1996] (см. также: [Мурьянов, 2008, ч. 2: 350–384]).

птицами было устроено состязание, кто выше взлетит. Выше всех поднялся орел, но в последний момент с его спины вспорхнул крапивник. По-немецки его обычно именуют называниями, в которых подчеркивается королевское достоинство: Schneekönig (буквально: «снежный король»), Zaunkönig («король на заборе») [Мурьянов, 1971: 105–106]. К западноевропейским материалам можно добавить, что в славянских поверьях королек или крапивник — персонаж сказки о выборе птичьего царя. Королек выиграл состязание обманом. Иногда этот сюжет имел продолжение: рассерженные птицы захотели сделать царем того, кто глубже всех спустится в землю. Но и тут королек всех перехитрил: он залез в мышиную нору. Когда же обман раскрылся, невзрачная пташка стала прятаться под забором. В славянских обозначениях королька отражены эти мотивы. Таковы, например, украинские выражения «королик», «царик», «миший краль», «мишова птаха». В наименованиях птички может фигурировать слово «забор»: она — «подзаборный король» или «подзaborник». Мотив одурачивания отражен в названиях вроде «облуда», «дурихлопчик», «дурич», «дурильце» и т. п. [Гура, 1997: 710–711; 1999]. Этот сюжет во всей полноте представлен в каталоге фольклорно-мифологических мотивов: «Птицы спорят, кто из них взлетит выше или прилетит первым. Побеждает тот, чья победа казалась маловероятной (он прячется в перьях сильной птицы и взлетает вместе с ней)». Такие легенды распространены по всей Европе, но записывались также на Кавказе и в Малой Азии, в Тибете, Индии, Малайзии, Индонезии, в Южной Сибири и Монголии [Березкин, Дувакин]¹⁵. Другой похожий сюжет, известный в Африке, Европе, на Кавказе и в Малой Азии, в Тибете, Индии, Бирме и Индокитае, в Южной Сибири и Монголии: «Филин (Сова) был главным среди птиц, претендовал на это или плохо себя проявил при выборе главы птиц; теперь он избегает других птиц и/или другие птицы его преследуют» [Березкин, Дувакин: В89. «Филин — царь птиц»]¹⁶.

¹⁵ См. также карту распространения этого мотива: Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. А23С. «Кто взлетит выше?» // Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [Электронный ресурс]. URL: <https://mapsofmyths.com/node/49> (12.10.2025).

¹⁶ Карта распространения мотива: Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. В89. «Филин — царь птиц» // Тематическая классификация и распределение

Итак, Мурьянов предположил, будто слово Строфилус (*strofilus*), выисканное им в некой английской рукописи, — это искаженное греко-латинское *trochilus*. Тогда получается, что птица, угодившая в пушкинскую сказку, — «трокиль», то есть крапивник (королек). Специалист по ассириологии и русской культуре В. В. Емельянов, принимая наблюдения Мурьянова, сомневался лишь в том, что крохотный крапивник, из «семейства колибри, может закрывать собою небо», как то полагается птице, о которой повествовалось в «Голубиной книге». По его версии, это должна быть священная птица шумеро-аккадской и иудейской традиции «зиз» или Анзу [Емельянов: 32–34].

Чтобы бесплодно не увязнуть в древневосточной мифологии, не следовало бы доверять построениям Мурьянова и разывать их. О гипотезе Мурьянова в одном из примечаний к своей книге критически отозвался М. В. Пащенко: «Ученый почему-то уверен, что Пушкин не мог сам выдумать латинизированную форму (казалось бы, отработанный школьный трюк) и где-то уже в таком виде ее позаимствовал; нелегкое разыскание источника пушкинского окказионализма приходит к периферийной западноевропейской легенде о мелкой птичке крапивнике; то, что Пушкин мог знать ее и тем более использовал, подтвердить и вовсе невозможно» [Пащенко: 531, прим. 28].

Дело в том, что слово «Строфилус» в пушкинском тексте, вопреки мнению Мурьянова, не является ни уникальным, ни малопонятным. Оно явно появилось под влиянием латинского обозначения страуса — *struthio*. Мурьянову было известно, что исследователи «Голубиной книги» под птицей Строфил (Строфиль) понимали страуса, но он не придал этому значения. Именно огромный, быстрый, сильный страус по праву мог бы считаться царем птиц. А мелкая пташка королек (крапивник) тут вообще ни при чем. Даже в легендах это царь не настоящий, а пародийный, самозваный, который хотел добиться своего высокого положения обманом. Совсем не то — страус! Каково же происхождение такого наименования страуса в латыни — *struthio*?

Экзотического африканского страуса древние греки называли «воробьем». Воробей по-гречески — *στρουθός* (*струтос/струфос*). Правда, приходилось уточнять, что речь идет не об обычном воробушке. Тогда указывали: *μέγας στρουθός* («большой воробей»), *στρουθός κατάγαιος* («наземный воробей»), *στρουθός ὁ Λιβυκός* («ливийский воробей», то есть африканский), *στρουθός ὁ ἐν Λιβύῃ* («тот воробей, что в Ливии») и т. п. В конце концов, древние греки стали именовать страуса «воробьеверблюдом»! *Κάμηλος* (*камелос/камилос*) — «верблюд», так что слово *στρουθοκάμηλος* (*струтокамелос/струфокамилос*) именно так и переводится. Пожалуй, более позднее по времени употребления слово характеризует гигантскую птицу точнее, чем просто «воробей» (хотя и этак забавно). К греческому слову *στρουθοκάμηλος* восходят церковнославянские и старинные русские наименования сказочных птиц: «струфокамил», «стратил», «стратим» и др. ([Thompson: 159–160], [Steier: 339–341], [Коршунов: 53–54])¹⁷. Так что по-латыни страуса обозначали заимствованным греческим словом — *struthio*. Из латыни воробышконое наименование вошло в современные языки и, наконец, превратилось в русской речи в привычную для нас форму — «страус» [Черных: 207]. При этом воспринятое биологами обозначение одного из видов африканских страусов — все то же фантасмагорическое *struthio camelus* («воробей-верблюд») [Коршунов: 53].

В «Стихе о Голубиной книге» матерью всех птиц названа как раз птица Страфил(ъ). В многочисленных вариантах текста «Голубиной книги» на этом месте встречаются такие слова, как «естрафиль», «истрофиль», «страхиль», «стрихиль», «вострихиль», «страхвирь», «страфель», «стрефел», «страфил» — графические искажения греко-латинского термина [Фасмер: 771]¹⁸.

А. Д. Синявский рассказывал о «Голубиной книге» в своих университетских лекциях, из которых выросла популярно

¹⁷ В. И. Даль сомневался в правильности написания слова «стратим» и лишь предположительно судил, что оно происходит от названия страуса — «строфокамила» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 336), с буквой «о» в первом слоге; такая форма тоже встречается.

¹⁸ См. также разнообразные варианты этого имени, указанные в сборнике Бессонова (Калеки переходные: сборник стихов и исследование П. Бессонова. М.: В тип. А. Семена, 1861. С. 369), в монографии Мочульского [Мочульский: 142] и словаре О. В. Беловой [Белова: 240–244, 273].

написанная книга о традиционных верованиях русского народа. Вопреки устоявшемуся мнению ученых, он сомневался, что имя грозной птицы Стрефил или Страфил (согласно легенде, жившей где-то у моря) связано со страусом: «...это не доказуемо, а страусы, как известно, не живут на море». По его суждению, слово «Стрефил» может иметь отношение к слову «трепет», и это «трепет крыльев, трепет света, трепет музыки или пения». Этимологическими разысканиями он не занимался и честно признал: «Разумеется, все это лишь домыслы, а не окончательное решение» [Синявский: 277–278]¹⁹. Так и есть.

В ряду разнообразно трансформировавшихся имен «матери птиц» вполне убедительно смотрится «Строфилус птица» из пушкинской сказки. Там она с латинским окончанием -us, потому как речь у Пушкина заходит о католиках-латинянах²⁰.

На Руси о струфокамиле были наслышаны. Страусовое яйцо издавна вывешивали в храмах. Максим Грек в первой половине XVI в. написал для поучения своих русских читателей короткий текст «Слово о хранении ума»: «Струфокамиль животно есть, обретаемо во странахъ ливийскихъ, великъ съ собаку, крыле о немъ кожаные, тело голо, перья несть, ходить не летаетъ, яицо его велико, бело зело и гладко, егоже обычай есть церковникомъ вешати его въ церкви подъ паникадиломъ поучения ради, а не красоты; учать бо насть темъ, да всегда мысленные очи наши, еже есть умъ нашъ, имеимъ простираста съ прилежнымъ вниманиемъ къ самому сотворившему насть преблагому Богу, аще воистину желаемъ плодовиты сотворити душа наша, а не бесплодныхъ якоже птица сиа положивши яйцо свое противу себе неуклонно утверждатъ къ нему око свое и зрениемъ своимъ непрестаннымъ плодовито творить е; аще же по случаю которому отведеть око свое отъ него, гниеть и ципляти въ немъ не зачинается»²¹.

¹⁹ Аккуратно сформулированная догадка Синявского в несколько упрощенном пересказе воспринята Т. В. Авдеевой [Авдеева: 56–57].

²⁰ Ср.: «Имя славянского Страфила юмористически латинизировано по образцу исходного "стравс" ...» [Пашенко: 531]. Возможно, требуется уточнение, что в слове «стравс» концовка «-ус» не является латинским окончанием: русское слово воспроизводит немецкое Strauß (которое, в свою очередь, восходит к греко-латинскому названию этой птицы).

²¹ Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской Духовной академии. Казань: Тип. губ. правления, 1862. Ч. 3. С. 271–272.

Яйцо страуса в церкви под паникадилом обозначало не-усыпное бдение, творение, жизнь. По суждению Мочульского, «церковь популяризовала имя страуса среди народа русского...» [Мочульский: 143]. В христианской традиции страус обрел положительные коннотации. Он символизировал того, кто истинно верует и во всем надеется на Бога [Иванов, Топоров: 349].

В 1674 г. Андрей Виниус, государственный деятель немецко-нидерландского происхождения, составил сборник притч под названием «Зрелище жития человеческого», ставший в России очень популярным. Для своего сборника Виниус переводил и пересказывал книгу басен «Theatrum morum» («Зрелище нравов»), изданную на немецком языке фламандским художником Эгидием Саделером в Праге в 1608 г. Среди прочего, у Виниуса есть главка «О строфокамиле и соловеи». Начинается она так: «Строфокамиль приступи к соловею, зъло себе хваляше, глаголя: над всѣми птицами первенство имѣти и яко не точию величества ради тѣлеси своего, но яко перия его употребляютъ знаменитии на главѣхъ своих. Соловей же хвалися, яко сладкихъ ради пѣсней повсюду от всѣхъ любимъ бяше». Далее мораль: Бог каждого наособицу наделяет — дает всякому «своя дарования». Вот и в древности перед «кесарем Дометианом» разные умельцы на арене театра со своим собственным мастерством выступали: атлеты боролись, стихотворцы декламировали стихи, ораторы произносили речи и т. п. [Тарковский, Тарковская: 362]. Обратим внимание: в книге Виниуса страус заявляет, что у него первенство над всеми птицами. Именно он у них главный.

Эта птица — громадная, мощная, быстрая. Согласно формулировке В. И. Даля, это «величайшая из нынешних птиц», которая «бегает, как конь»²². Баснословие вознесло страуса в высший ранг, сделав равным царю зверей льву, а церковная традиция наделила его религиозно-духовными смыслами. В старинной славянской книжности, легендах, сказках, в «Голубиной книге» и «Стихе о Егории Храбром» страус, осмыслившийся мифологически, занимал место видное и завидное. Устные

²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 4. С. 343. Даль принимал форму «строус» в качестве основной.

и письменные тексты, где упоминалась могучая царь-птица, по-видимому, были особенно важны для старообрядцев, которые бережно хранили культурные смыслы далекого прошлого. Значит, «Строфилус птица» у Пушкина — обрусовший, прижившийся у нас птичий царь. Таковой страус, уже фольклоризированный, оказался достойным украсить собою головной убор римского папы, пусть даже в «Сказке о рыбаке и рыбке» этот папа и не настоящий, а некая самопровозглашенная папесса. Дурная старуха в роли римского первосвященника — это, конечно, злая сатира на католичество. Тем более когда у вчерашней простолюдинки на голове шапка нехристей-сарацинов и на ней «венец латынский» со страусом, наподобие того, как у знатной дамы страусовое перо в высокой прическе.

Интересно, что в обиходе римских пап действительно использовались страусовые перья. До недавнего времени в Ватикане имелся специальный переносной папский трон для торжественных церемоний (*sedia gestatoria*). Папа на нем восседал, двенадцать человек поднимали этот трон, а по бокам несли два опахала (*flabella*). Подобные опахала с древних времен применялись при церковных обрядах. Они делались из кожи, шелка, пергамента или перьев. И нередко это были перья страуса. Для церемониальных выносов папы на троне изготавливались опахала большие, белые — из страусовых перьев ([Mershman], [Oliger]).

Страус, обозначенный на традиционный лад, объявился и в поэме Давида Самойлова «Струфиан: недостоверная повесть» (1974)²³ о таинственном исчезновении в Таганроге императора Александра I. В самом заглавии поэмы фигурирует старинное обозначение царя птиц. Правда, такое слово не отмечено в письменных источниках среди множества вариантов, происходящих от греческих *στρουθός* и *στρουθοκάμηλος*²⁴. Но сомнения быть не может: тому порукой герой поэмы, старец Федор Кузьмич, который, согласно фантастической версии

²³ Самойлов Д. Поэмы. М.: Время, 2005.

²⁴ В «Национальном корпусе русского языка» ([Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (12.10.2025)) это слово отмечено только в связи с поэмой Давида Самойлова, см.: (НКРЯ: струфиан). Однако есть близкий вариант, без этой концовки, свойственной латинским именам и терминам, — старинное название страуса «струф», см.: (НКРЯ: струф).

поэта, поначалу был донским казаком, жителем Таганрога. Этот «уездный Сен-Симон» составил маловразумительный трактат о переустройстве Российской империи. Там, среди прочего, предлагалось вернуться к старообрядчеству. Наверное, свойственная многим казакам приверженность старой вере позволила Федору угадать, что предстало перед ним, когда он пролез в сад, где прогуливался обуянный мрачными предчувствиями Александр. С неба со странным звуком спустилось нечто переливчатое:

«Он видел в сорока шагах,
Как это чудо, разгораясь,
Вдруг поднялось на двух ногах
И встало, словно птица страус.
И тут уж Федор пал в туман,
Шепча: "Крылатый струфиан..."»²⁵.

Сочиняя свою «недостоверную повесть», Давид Самойлов вдохновлялся загадочными письменами, оставшимися после сибирского старца Федора Кузьмича. Среди прочего, на узком листе бумаги (то ли рукою самого старца, то ли кого-то еще) было начертано: «а. Крыютъ, Струфианъ». (Именно так, с ошибкой в последнем слове: буква иже вместо и десятеричного. Да и вместо буквы ферт лучше бы проставить фиту.) Фотографическое воспроизведение записи помещено, например, в книге литератора В. В. Барятинского, который не сомневался, что Федор Кузьмич — это и есть бывший император²⁶. Сам Барятинский почему-то разглядел во втором слове лишний слог («а крыются струфианъ») и толковал надпись весьмавольно: «Я скрываю тебя, Александр, как страус, прячущий голову под крыло»²⁷. Если невнятная фраза и в самом деле начертана старцем, человеком очень религиозным, то для него символика страуса не сводилась бы к тому, что анекдотическая

²⁵ Самойлов Д. Поэмы. М.: Время, 2005. С. 117.

²⁶ Барятинский В. В. Царственный мистик (император Александр I — Федор Кузьмич). Изд. 2-е. [СПб.]: Прометей, [1913]. 144 с. Иллюстрация на вклейке между с. 142–143.

²⁷ Барятинский В. В. Царственный мистик. С. 143.

по своей глупости птица якобы прячет голову в песок при малейшей опасности.

Давид Самойлов с детства привык читать и перечитывать Пушкина²⁸. Истинному пророку (ветхозаветному и из одноименного пушкинского стихотворения) некогда явился грозный шестикрылый серафим, а карикатурный пророк у Давида Самойлова узрел пародийного крылатого струфиана.

Список литературы

1. Авдеева Т. В. Концепт «райская птица» в традиционной культуре восточнославянских народов. М.: Спутник+, 2021. 163 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46461762_71085030.pdf (20.10.2025). EDN: GXFBDD
2. Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: временник пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 134–163.
3. Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с. [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2001_Belova_Slavianskij_bestiarij.pdf (20.10.2025). EDN: TOAFGF
4. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (20.10.2025).
5. Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М.: Мир, 1931. 208 с.
6. Веселовский А. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. ХХ, 350 с.
7. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с. (Сер.: Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.) [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/1997_Gura.pdf (20.10.2025). EDN: TOHUMH
8. Гура А. В. Королек // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 612.
9. Емельянов В. Вавилон у Пушкина // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 1. С. 19–44 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24357981_90603616.pdf (20.10.2025). EDN: UNAREF

²⁸ Суждения Самойлова о Пушкине в изложении Г. Р. Евграфова (Евграфов Г. Из «Воспоминаний о Давиде Самойлове» // Вопросы литературы. 2013. № 2. С. 315–336). Ср. дневниковые записи 15-ти и 16-летнего Самойлова о Пушкине: Самойлов Д. С. Поденные записи: в 2 т. М.: Время, 2002. Т. 1: 61–62, 80–81, 93, 95.

10. Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. М.: Просвещение, 1989. 159 с.
11. Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: энциклопедия. 2-е изд. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 346–349.
12. Кирпичников А. К вопросу о птице Страфиль // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. Июль. С. 99–108 (1-я пагинация).
13. Коршунков В. А. Греколатиника: Классика в отражениях. 2-е изд., перераб. М.: Неолит, 2022. 536 с.
14. Кошелев В. А. «Жил старик со своею старухой...»: биографические аллюзии пушкинской сказки // Болдинские чтения: доклады Междунар. науч. конф., Болдино, 17–21 сентября 2018 года. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 3–13 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39273597_13215920.pdf (20.10.2025). EDN: WXYVMJ
15. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1959. 504 с.
16. Майков В. Сказка «О рыбаке и рыбке» Пушкина и ее источники // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ч. 281. Май. С. 148–157 (1-я пагинация).
17. Майков Л. Пушкин: биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1899. 462 с.
18. Макогоненко Г. П. «Сказка о рыбаке и рыбке» и вопросы ее интерпретации // Болдинские чтения / ред. кол.: М. П. Алексеев [и др.]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. [Вып. 10]. С. 22–31.
19. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 296 с.
20. Медриш Д. Н. Путешествие в Лукоморье: сказки Пушкина и народная культура. Волгоград: Перемена, 1992. 144 с.
21. Микелис Ч. Дж. де. Предание о Папессе Иоанне и набросок Пушкина // Пушкин и его современники: сб. науч. тр. СПб.: Акад. проект, 2000. Вып. 2 (41) / редкол.: Д. С. Лихачев [и др.]. С. 26–36.
22. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (библиографическое описание). СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1910. XIX, 441 с.
23. Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава: В тип. М. Зимкевича, 1887. 256, III с.
24. Мурьянов М. Ф. К тексту «Сказки о рыбаке и рыбке» // Временник Пушкинской комиссии, 1969 / ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1971. С. 103–106 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v71/v71-103-.htm?cmd=p> (20.10.2025).
25. Мурьянов М. Ф. Грааль и Голубиная книга // Актуальные проблемы советской романистики: науч. сессия, посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. В. Ф. Шишмарева (1875–1975): тезисы докл. / [отв. ред. М. П. Алексеев]. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. С. 61–63.
26. Мурьянов М. Ф. Литературный дебют А. Блока (Стихи о Голубиной книге: текст, контекст и подтекст) // Philologica. 1996. Т. 3. № 5–7. С. 7–46.

27. Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России: очерки. СПб.: Миръ, 2007–2008. Ч. 1–2. 620 + 645 с. EDN: QWIWLF
28. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: статьи и заметки о Пушкине. М.: Сов. писатель, 1983. 368 с. EDN: TRJCVL
29. Пащенко М. В. Сюжет для мистерии: Парсифаль — Китеж — Золотой Петушок (историческая поэтика оперы в канун модерна). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с. (Сер.: Российские Пропилеи.)
30. Прийма Ф. Я. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. / отв. ред. М. П. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 95–123.
31. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. М.; Л.: Academica, 1936. Т. 2. 618 с.
32. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 3. Кн. 2 / [ред. М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская-Зенгер]. С. 1087–1088.
33. Пушкин: итоги и проблемы изучения / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л.: Наука, 1966. 663 с.
34. Селиванов Ф. М. Русские народные духовные стихи: уч. пос. для филол. факультетов. [М.]: Марийский гос. ун-т, 1995. 161 с.
35. Синявский А. Д. Иван-Дурак: очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. 464 с. (Сер.: Избранное / Андрей Синявский (Абрам Терц).)
36. Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин: исследования. Харьков: Печатное дело, 1900. IV, 350 с.
37. Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII: исслед., тексты, comment. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 543 с.
38. Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 4. С. 409–440.
39. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. СПб.: Терра — Азбука, 1996. Т. 3. 832 с.
40. Фомичев С. А. «Твоя от твоих!» Сказочники Казак Луганский и Александр Пушкин // Прекраснейший: сб. памяти Елены Душечкиной / отв. ред. Е. А. Белоусова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 91–97. DOI: 10.31754/4469-2068-6.10. EDN: MQPNOY
41. Хлыбова Т. В. Птица в народной духовной поэзии: эволюция образа, изменение жанрового ракурса // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке / отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел, 2019. С. 42–53. (Сер.: Природный мир в пространстве культуры.)
42. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1994. Т. 2. 560 с.
43. Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 4-е изд., стереотип. М.: Искусство, 1987. 446 с.
44. Шульц С. А. Пушкин и Феокрит (еще раз к вопросу об источнике «Сказки о рыбаке и рыбке») // Русская литература. СПб.: Наука, 2002. № 4. С. 124–129 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/РЛ_2002_4.pdf (20.10.2025).

45. Mazon A. Le livre populaire et la tradition populaire d'après un conte en vers de Pouchkine // Mélanges dédiés à la mémoire de Prokop M. Haškovec par ses amis et ses élèves / pub. par Ant. Šesták et Ant. Dokoupil. Brno: Globus, 1936. P. 258–262.
46. Mershman F. Flabellum // The Catholic Encyclopedia: an International Work of Reference on the Constitution, Doctrine, Discipline, and History of the Catholic Church / ed. by Ch. G. Herbermann [et al.]. Special Edition. New York: The Encyclopedia Press Inc., 1909. Vol. 6. P. 89.
47. Olinger L. Sedia Gestatoria // The Catholic Encyclopedia: an International Work of Reference on the Constitution, Doctrine, Discipline, and History of the Catholic Church / ed. by Ch. G. Herbermann [et al.]. Special Edition. New York: The Encyclopedia Press Inc., 1912. Vol. 13. P. 679.
48. Steier A. Strauß // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / herausgegeben von G. Wissowa. 2te Reihe. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1931. Band 4 A. Halbband 7. S. 339–347.
49. Thompson D. W. A Glossary of Greek Birds. Oxford: Clarendon Press, 1895. XVI, 206 p.

References

1. Avdeeva T. V. Kontsept “rayskaya ptitsa” v traditsionnoy kul’ture vostochno-slavyanskikh narodov [Concept of the “Bird of Paradise” in the Traditional Culture of the East Slavic Peoples]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2021. 163 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46461762_71085030.pdf (accessed on October 20, 2025). EDN: GXFBDD (In Russ.)
2. Azadovskiy M. K. Sources of Pushkin’s Fairy Tales. In: Pushkin: vremennik pushkinskoy komissii [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1936. Vol. 1. Pp. 134–163.
3. Belova O. V. Slavyanskiy bestiariy: slovar’ nazvaniy i simvoliki [The Slavic Bestiary: Dictionary of Appellations and Symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 320 p. Available at: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2001_Belova_Slavianskij_bestiarij.pdf (accessed on October 20, 2025). EDN: TOAFGF (In Russ.)
4. Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredele-nie fol’klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: analiticheskiy katalog [Thematic Classification and Distribution of Folklore and Mythological Motifs by Area: an Analytical Catalog]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed on October 20, 2025). (In Russ.)
5. Bondi S. M. Novye stranitsy Pushkina [New Pages of Pushkin]. Moscow, Mir Publ., 1931. 208 p. (In Russ.)
6. Vesselovskiy A. Slavyanskie skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morol’fe i Merline [Slavic Legends about Solomon and Kitovras and Western Legends about Morolf and Merlin]. St. Petersburg, Tipografiya V. Demakova Publ., 1872. 350 p. (In Russ.)

7. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (Ser.: Traditional Spiritual Culture of the Slavs. Modern Researches.) Available at: https://inслав.ru/images/stories/pdf/1997_Gura.pdf (accessed on October 20, 2025). EDN: TOHUMH (In Russ.)
8. Gura A. V. Korolek. In: *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: the Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, p. 612. (In Russ.)
9. Emel'yanov V. Pushkin's Babylon. In: *Letnyaya shkola po russkoy literature* [Summer School on Russian Literature], 2015, vol. 11, no. 1, pp. 19–44. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24357981_90603616.pdf (accessed on October 20, 2025). EDN: UNAREF (In Russ.)
10. Zueva T. V. *Skazki A. S. Pushkina* [Fairy Tales by A. S. Pushkin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 159 p. (In Russ.)
11. Ivanov V. V., Toporov V. N. Birds. In: *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: an Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992, vol. 2, pp. 346–349. (In Russ.)
12. Kirpichnikov A. On the Question of the Straphil Bird. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1890. Part 270. July. Pp. 99–108 (first pagination).
13. Korshunkov V. A. *Grekolatinika: klassika v otrazheniyakh* [Graecolatinica: the Classics as Reflected in Russian and Western Culture]. 2nd ed., revised. Moscow, Neolit Publ., 2022. 536 p. (In Russ.)
14. Koshelev V. A. “The Old Man Lived with His Old Woman...”: the Biographical Allusions, Pushkin’s Fairy Tales. In: *Boldinskie chteniya 2019: doklady Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Boldino, 17–21 sentyabrya 2018 goda* [Boldino Readings 2019: Proceedings of the International Scientific Conference, Boldino, September 17–21, 2018]. Nizhny Novgorod, The National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky Publ., 2019, pp. 3–13. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39273597_13215920.pdf (accessed on October 20, 2025). EDN: WXYVMJ (In Russ.)
15. Lupanova I. P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisateley pervoy poloviny XIX veka* [The Russian Folk Tale in the Works of Writers of the First Half of the 19th Century]. Petrozavodsk, Gosizdat KASSR Publ., 1959. 504 p.
16. Maykov V. Pushkin’s “The Tale of the Fisherman and the Fish” and Its Sources. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1892, part 281, May, pp. 148–157 (first pagination). (In Russ.)
17. Maykov L. *Pushkin: biograficheskie materialy i istoriko-literaturnye ocherki* [Pushkin: Biographical Materials and Historical-Literary Essays]. St. Petersburg, L. F. Panteleev Publ., 1899. 462 p. (In Russ.)
18. Makogonenko G. P. “The Tale of the Fisherman and the Fish” and Questions of Its Interpretation. In: *Boldinskie chteniya* [Boldino Readings]. Gorky, Volgo-Vyatskoe knizhnnoe izdatel’stvo Publ., 1981, issue 10, pp. 22–31. (In Russ.)

19. Medrish D. N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya: voprosy poetiki* [Literature and Folklore Tradition: Questions of Poetics]. Saratov, Saratov State University Publ., 1980. 296 p. (In Russ.)
20. Medrish D. N. *Puteshestvie v Lukomor'e: skazki Pushkina i narodnaya kul'tura* [Journey to Lukomorye: Pushkin's Fairy Tales and Folk Culture]. Volgograd, Peremena Publ., 1992. 144 p. (In Russ.)
21. Michelis C. G. de The Legend of Pope Joan and the Sketch of Pushkin. In: *Pushkin i ego sovremenniki: sbornik nauchnykh trudov* [Pushkin and His Contemporaries: Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt Publ., 2000, issue 2 (41), pp. 26–36. (In Russ.)
22. Modzalevskiy B. L. *Biblioteka A. S. Pushkina (bibliograficheskoe opisanie)* [The Library of A. S. Pushkin (Bibliographic Description)]. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1910. XIX, 441 p.
23. Mochul'skiy V. *Istoriko-literaturnyy analiz stikha o Golubinoy knige* [Historical and Literary Analysis of the Verse about the Book of the Dove]. Warsaw, V tipografii M. Zimkevicha Publ., 1887. 256 p. (In Russ.)
24. Mur'yanov M. F. On the Text of “The Tale of the Fisherman and the Fish”. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii, 1969* [Vremennik of the Pushkin Commission, 1969]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 103–106. Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v71/v71-103-.htm?cmd=p> (accessed on October 20, 2025). (In Russ.)
25. Mur'yanov M. F. The Grail and the Dove Book. In: *Aktual'nye problemy sovetskoy romanistiki: nauchnaya sessiya, posvyashchennaya 100-letiyu s dnya rozhdeniya akademika V. F. Shishmareva (1875–1975): tezisy dokladov* [Actual Problems of Soviet Romance Studies: Scientific Session Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Academician V. F. Shishmarev (1875–1975): Abstract of the Reports]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1975, pp. 61–63. (In Russ.)
26. Mur'yanov M. F. A. Blok's Literary Debut (The Verses about the Book of the Dove: Text, Context, and Subtext). In: *Philologica*, 1996, vol. 3, no. 5–7, pp. 7–46. (In Russ.)
27. Mur'yanov M. F. *Istoriya knizhnoy kul'tury Rossii: ocherki: v 2 chastyakh* [History of Russian Book Culture: Essays in 2 Parts]. St. Petersburg, Mir Publ., 2007–2008. 620 + 645 p. EDN: QWIWLF (In Russ.)
28. Nepomnyashchiy V. S. *Poeziya i sud'ba: stat'i i zametki o Pushkine* [Poetry and Fate: Articles and Notes on Pushkin]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1983. 366 p. EDN: TRJCVL (In Russ.)
29. Pashchenko M. V. *Syuzhet dlya misterii: Parsifal' — Kitezh — Zolotoy Petushok (istoricheskaya poetika opery v kanun moderna)* [Plot for the Mystery Play: Parsifal—Kitezh — Golden Cockerel (Historical Poetics of Opera on the Eve of Modernism)]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initiativ Publ., 2018. 720 p. (Ser.: Russian Propylaea.) (In Russ.)
30. Priyma F. Ya. From the History of the Creation of the “Songs of the Western Slavs” by A. S. Pushkin. In: *Iz istorii russko-slavyanskih literaturnykh svyazey XIX v.* [From the History of Russian-Slavic Literary Relations in the 19th Century]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963, pp. 95–123. (In Russ.)

31. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [The Complete Works: in 6 Vols]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936, vol. 2. 618 p. (In Russ.)
32. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 tomakh* [The Complete Works: in 17 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1995, vol. 3, book 2, pp. 1087–1088. (In Russ.)
33. *Pushkin: itogi i problemy izucheniya* [Pushkin: Results and Problems of Study]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 663 p. (In Russ.)
34. Selivanov F. M. *Russkie narodnye dukhovnye stikhi: uchebnoe posobie dlya filologicheskikh fakul'tetov* [Russian Folk Spiritual Verses: Textbook for Philological Faculties]. Moscow, Mari State University, 1995. 161 p. (In Russ.)
35. Sinyavskiy A. D. *Ivan-Durak: ocherk russkoy narodnoy very* [Ivan the Fool: an Essay on Russian Folk Faith]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 464 p. (Ser.: Selected / Andrey Sinyavsky (Abram Tertz).) (In Russ.)
36. Sumtsov N. F. A. S. *Pushkin: issledovaniya* [A. S. Pushkin: Studies]. Kharkov, Pechatnoe delo Publ., 1900. 350 p. (In Russ.)
37. Tarkovskiy R. B., Tarkovskaya L. R. *Ezop na Rusi. Vek XVII: issledovaniya, teksty, kommentarii* [Aesop in Rus'. The 17th Century: Studies, Texts, Commentaries]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 543 p. (In Russ.)
38. Tomashevskiy B. V. Notes. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Pushkin A. S. The Complete Works: in 10 Vols]. 4th ed. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 4, pp. 409–440. (In Russ.)
39. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed., stereotypical. St. Petersburg, Terra — Azbuka Publ., 1996, vol. 3. 832 p. (In Russ.)
40. Fomichev S. "Thine Own of Thine Own!" Storytellers Kazak Lugansky and Alexander Pushkin. In: *Prekrasneyshey: sbornik pamyati Eleny Dushechkinoj* [To the Most Beautiful: Collection of Memory to Elena Dushechkina]. St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2022, pp. 91–97. DOI 10.31754/4469-2068-6.10. EDN: MQPNOY (In Russ.)
41. Khlybova T. V. Bird in Folk Spiritual Poetry: Evolution of Image and Change in the Perspective of Genre. In: *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke* [Bird as an Image, Symbol, and Concept in Literature, Culture, and Language]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, pp. 42–53. (Ser.: The Natural World in the Space of Culture.) EDN: RLMZKB (In Russ.)
42. Tsyavlovskaya T. G. *Risunki Pushkina* [Pushkin's Drawings]. 4th ed., stereotype. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987. 446 p. (In Russ.)
43. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremenennogo russkogo jazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 2nd ed., stereotypical. Moscow, Russkiy jazyk Publ., 1994, vol. 2. 560 p. (In Russ.)
44. Schultz S. A. Pushkin and Theocritus (Once Again to the Question of the Source of "The Tale of the Fisherman and the Fish"). In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, no. 4, pp. 124–129. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/РЛ_2002_4.pdf (accessed on October 20, 2025). (In Russ.)

45. Mazon A. Le livre populaire et la tradition populaire d'après un conte en vers de Pouchkine (The Popular Book and Popular Tradition, Based on a Tale in Verse by Pushkin). In: *Mélanges dédiés à la mémoire de Prokop M. Haškovec par ses amis et ses élèves [Essays Dedicated to the Memory of Prokop M. Haškovec by His Friends and Students]*. Brno, Globus Publ., 1936, pp. 258–262. (In French)
46. Mershman F. Flabellum. In: *The Catholic Encyclopedia: an International Work of Reference on the Constitution, Doctrine, Discipline, and History of the Catholic Church*. Special Edition. New York, The Encyclopedia Press Inc. Publ., 1909, vol. 6, p. 89. (In English)
47. Olinger L. Sedia Gestatoria. In: *The Catholic Encyclopedia: an International Work of Reference on the Constitution, Doctrine, Discipline, and History of the Catholic Church*. Special Edition. New York, The Encyclopedia Press Inc. Publ., 1912, vol. 13, p. 679. (In English)
48. Steier A. Strauß. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung [Pauly's Real-Encyclopedia of Classical Antiquity]*. Stuttgart, J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung Publ., 1931, vol. 4 A, half-volume 7, pp. 339–347. (In German)
49. Thompson D. W. *A Glossary of Greek Birds*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1895. 206 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коршунов Владимир Анатольевич, Vladimir A. Korshunkov, PhD (Historian, candidate of historical sciences, docent), Associate Professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University (ul. Moskovskaya 36, g. Kirov, 610000, Russian Federation); ORCID: <https://0000-0002-9151-4554>; e-mail: vla_kor@mail.ru. e-mail: vla_kor@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 27.10.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.11.2025

Принята к публикации / Accepted 20.11.2025

Дата публикации / Date of publication 02.02.2026